УДК 94(47=113.6)«1611/1617»(093)

А.А. Селин (Старая Ладога)

НОВГОРОДЦЫ И ШВЕДЫ В 1611–1617 гг.: СПОСОБЫ ОБЩЕНИЯ И ПОСРЕДНИКИ

(по материалам Новгородской приказной избы и фонда «Сношения России со Швецией»)

В статье рассматривается вопрос о том, каким образом осуществлялось общение шведов и новгородцев в годы оккупации Новгорода в начале XVII в. Рассматриваются четыре биографии переводчиков, помогавших этому общению.

Ключевые слова: Новгород, Швеция, Московское государство, Смута, переводчики.

Северо-Запад Московского государства с начала Ливонской войны представлял собою диффузное пространство. Взаимопроникновение здешних жителей и «немцев» было постоянным и сильным. Рубеж XVI–XVII вв. обнажил эти взаимоотношения особенно остро. В повседневную жизнь новгородских дворян и детей боярских вошло плотное соприкосновение с соседями. Десятки новгородцев участвовали в непосредственных контактах в пограничье.

Город Ивангород, пограничный с Нарвой, в конце XVI – начале XVII в. был местом взаимодействия двух культур, московской и европейской. Уже с конца XVI в. здесь фиксируется большое число постоянно живущих иноземцев. Вероятно, после ухода шведских властей в 1591 г. часть «немцев» осталась в московском подданстве. Иногда это создавало атмосферу шпиономании и доносительства, как в сентябре 1599 г., когда по доносу первого воеводы кн. В.И. Ростовского на второго воеводу кн. Д. Бельского было возбуждено дело[1]. Оно, впрочем, кончилось ничем.

Нестабильная политическая ситуация сотрясала в те годы все страны Балтийского пространства. Ч. Даннинг убедительно показал, что рассматривать события начала XVII в. в Московском государстве следует в контексте политических кризисов конца

---

[1] Допросные речи по извету на кн. Д.Г. Бельского ивангородского воеводы кн. В.И. Ростовского и дьяка Г. Витовтова о чинимых Бельским с ругодивским иноземцем Арманом замыслах к измене. (1599, сентябрь) // РГАДА. Ф. 96. 1599. Д. 2.

XVI – начала XVII в. во всех европейских странах[2]. Это касается и наиболее близких соседей, Речи Посполитой и Швеции. Дипломатическая активность Бориса Годунова в 1599–1600 гг., особенно на ливонском и шведском направлении, точно укладывалась в хронологию этих критических ситуаций. Общеизвестно, что за несколько лет до Смуты Борис Годунов пытался влиять на политический кризис в Швеции, запирая и открывая сухопутную дорогу из Выборга в Нарву, тем самым он вмешивался в политику ближайшего соседа, имея целью аннексию прибалтийских городов. Таким образом, интерес Карла IX к делам в Московском государстве, возникший уже при появлении и первого самозванца, был вполне объяснимым.

В годы Смуты, особенно после 1610 г., в условиях практически «открытых» границ, эта тенденция лишь усилилась. Вопрос о взаимоотношении новгородцев и шведов в начале XVII в. довольно сложен. На уровне личных контактов они не сводились к антагонизму. Большая часть конфликтов, зафиксированных источниками, была связана с малозначительными хозяйственными и бытовыми столкновениями, где актуальным было не противопоставление «швед – нешвед», а скорее «порядок – беспорядок». Как показал С.П. Орленко, мнение о религиозной неприязни русского населения к иноверцам было скорее сформулировано отечественными политиками – идеологами эпох, отличавшихся ксенофобией и обскурантизмом[3].

Взаимоотношения шведов и русских, даже в дни острого вооруженного противостояния, были интенсивными и допускали компромисс. Характерно общение ротмистра Лоренца Вагнера с головой Рамышевского острожка Федором Левашевым в марте 1614 г. Сам повод общения – обмен русских пленных на тело убитого шведского капитана Бакнера – был, так сказать, рыцарским. Примечательно, что Вагнер сравнивал Левашева с прежним головой Рамышевского острога А.Ф. Палицыным: «И яз, узнав, что ты прямые р[атные] природы человек и ратное тебе дело заве[домо?...] о ратных людех не замешкав, а не так как глу[пый] Ондрей Палицын»[4].

---

[2] *Dunning Ch.* The precondition of Modern Russia's First Civil War // Russian History / Histoire Russe. 1998. Vol. 25. N 1–2 (Festschrift for A.A. Zimin). P. 119–131.

[3] *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке (по неопубликованным источникам РГАДА) // Славяноведение. 2002. № 2. С. 69–81.

[4] Грамота Лоренца Вагнера Федору Левашеву об обмене пленными. (1614, марта после 27) // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 51–51а об.

Хорошо изучена судьба «байоров» – русских служилых людей, которые после 1617 г. остались в подданстве Швеции[5]. Однако особую роль в общении шведов и новгородцев играли переводчики. Переводчикам, их конкретной роли во взаимоотношениях новгородцев и шведов, в функционировании шведских властей в Новгороде в 1611–1617 гг. исследователи уделяли малое внимание. Исключение составляет статья Г.М. Коваленко, где были рассмотрены судьбы примерно 10 новгородских переводчиков, преимущественно на материалах Посольского приказа[6]. Изучение архива Новгородской приказной избы дает возможность подробно рассмотреть судьбы практически всех служилых людей Новгорода 1611–1617 гг. В настоящей статье рассмотрим биографии четырех новгородских переводчиков этих лет – Бажена Иванова, Ганса Бракиля, Эрика Андерсона и Олфера Северова.

Бажен Иванов. Это был австрийский подданный, знавший французский язык, вывезенный дьяком Посольского приказа Афанасием Власьевым[7] в Московское государства из Империи (как и капитан Ж. Маржерет). Скорее всего, Бажен Иванов не был принят на службу, а просто жил у дьяка. Видимо, с 1606 г., «после Офонасья (Власьева. – *А.С.*) жил он у Михаила у Татищева»[8], отправленного в Новгород и растерзанного новгородцами осенью 1608 г. Вскоре именно в Новгороде Бажен Иванов пристал к отряду Делагарди. В августе 1609 г. вместе с миссией от стоявшего в Александровой слободе Делагарди, он прибыл в Москву. Здесь он был принят на службу переводчиком Посольского приказа, но снова послан к Делагарди уже в составе русской миссии, «для того, что у них толмачей францовских нет, опроче его». Вместе с Б. Ивановым в Москву прибыла его жена. Она в августе 1609 г. осталась в Москве, где ей был назначен корм из Посольского приказа[9], а сам Б. Иванов в Москву уже не возвращался. Дьяки По-

---

[5] *Линд Дж.Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции: Их социальные и генеалогические корни. М., 2000.

[6] *Коваленко Г.М.* Новгородские переводчики XVII в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 123–128.

[7] *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 66.

[8] Приезд и отпуск шведских ротмистров Якова Декарбеля, Индрика Душанфееса и Анца Франсбека, присланных к царю Василию от Делагарди для испрошения шведским войскам денег и отдачи в силу договоров г. Корелы. (1609, август) // Смутное время Московского государства. М., 1915. Вып. 2: Акты времени царя Василия Шуйского / Под ред. А.М. Гневушева. № 117–119. (ЧОИДР. Кн. 2).

[9] Указная грамота царя Василия Шуйского кн. М. В. Скопину-Шуйскому от 22.08.1609 г. с известием о приеме толмача Б. Иванова на службу в Посоль-

сольского приказа обратили внимание на возможность (и опасность) сближения Б. Иванова (вероятно, протестанта) со шведами. По их замечанию, «немцы… того толмача называют своим», «а он де с ними и в постные дни мясо ест». Посланным в войско Делагарди дворянам было велено «того беречь, чтобы тот толмач Бажен с немцы в свою землю не уехал»[10]. Судьба Б. Иванова в 1610 г. неясна, но в феврале 1611 г. он уже был в Новгороде[11]. Уже в начале 1611 г. Б. Иванов упоминает о своем кормовом жаловании: «преже сего мне государева жалованья питья с винного погребу по ведру вин на месяц, и мне, государи, не давали два месеца»[12]. Позднее Б. Иванов, как служилый человек, получает в Новгороде поместный оклад в 300 четвертей, а затем и поместье в Водской пятине[13]. О характере его деятельности в Новгороде при правительствах 1611–1617 гг. известно мало. В первую очередь она, несомненно, заключалась в переводе. В феврале 1615 г. было заведено дело о похищении им чемодана, принадлежавшего дьяку Денису Сафонову и оставленному последним в Новгороде в 1611 г. на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова. По словам Дарьи, Бажен взял чемодан, Дарью «напоя». Бояре и воеводы указали Бажену чемодан вернуть[14]. В июле 1615 г. вместе с Никитой Калитиным и людьми М.М. Пальма Эриком и Иваном Корелянином Иванов был послан из Новгорода с грамотами в Нарву. Дорога была перекрыта, и они были вынуждены жить в Тесовском острожке две недели из-за опасности быть захваченными «воровскими людьми»[15]. В 1615–1616 г. Б. Иванов находился на

ский приказ и с распоряжением о запрете его возможной отправки в Швецию // РГАДА. Ф. 96. 1609. Д. 2. Л. 95–96.

[10] Там же.

[11] 23 февраля 1611 г. он получил из Новгородского винного погреба «марта с 1 апреля по 1» ведро вина (Сборник памятей на Новгородский винный погреб о выдаче вина // Riksarkivet (Stockholm). Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – RA, NOA). Serie 2:124. Bl. 92). 17 марта 1611 г. получил за срок с 19 февраля по 1 марта 4 кружки вина (Ibid. Bl. 107).

[12] Сборник челобитных о выдаче вина // RA, NOA. Serie 2: 124. Bl. 217.

[13] Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. (8.07.1612) // RA, NOA. Serie 1:16. Bl. 83, 125.

[14] Розыск о чемодане с рухлядью, оставшемся на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова: (1615, февр.) // RA, NOA, serie 2: 246; *Морозов Б.Н.* Послание Курбского в чемодане тушинского думного дьяка Дениса Софонова // Памяти Лукичева. Сб. статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 423–436.

[15] Книги раздачи кормов Тесовского острожка при воеводе Федоре Одинцове. (1615, июль) // RA, NOA. Serie 1:81. Bl. 4–5.

переговорах в Дедерине[16]. Он вместе с Арном Буком вступил в контакт с московскими послами, но, в отличие от того, остался в шведском стане[17]. Последнее упоминание о службе Б. Иванова в Новгороде относится к 17 января 1617 г., когда он участвует в допросе и пытке подьячего Григория Собакина, отказывавшегося ехать в Копорье и присягать королю Густаву Адольфу[18]. После Столбовского мира Бажен Иванов остался в Ингерманландии и уже в 1636 г. под именем Бенджамина Барона[19] участвовал в размене перебежчиков между новгородскими и ингерманландскими властями[20].

Ганс Бракиль, сын ливонского немца Артемия Брякилева и товарищ Б. Иванова. По данным Д.В. Лисейцева, Бракиль был уроженцем Немецкой слободы в Москве, родственником переводчика Анцы (Ганса) Арпова, по протекции которого попал на службу толмачом в Посольский приказ при царе Василии Шуйском (не позднее 1609 г.). По отзыву современников, до своего назначения Г. Бракиль был «самый последней худой убогой человек, и знать его было некому, кормился питишком, корчму держал, всем про то ведомо». Г. Бракиль находился в Новгороде уже в 1608 г.[21] и вскоре, вместе с Б. Ивановым оказался в корпусе Я. Делагарди. По отзывам новгородцев, в Швеции были невысокого мнения о достоинствах Ганса Брякилева: «а которые ты грамоты переводишь, да посылают х королю, и переводчики там прямые за то тебя лают»[22]. Уже в 1611 г. переводчик получил поместный оклад

---

[16] Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о новых сведениях о дальнейших планах шведских послов. (1616, конец февраля, без конца) // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 305.

[17] Отписка послов кн. Д.И. Мезецкого в Посольский приказ о новых известиях, сообщенных шведскими переводчиками Арном Буком и Баженом Ивановым: (1616, февраля после 6) // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 40–45

[18] Грамота митрополита Исидора и всех новгородцев к послам кн. Д.И. Мезецкому с товарищами о своем конечном разорении // *Селин А.А.* Новгородские судьбы Смутного времени. В. Новгород, 2009. С. 156–161.

[19] На идентификацию Б. Иванова и Б. Барона обратил мое внимание А. Пересветов-Мурат, которому я выражаю здесь свою признательность.

[20] Память воеводе Ивану Денисьевичу Нащокину в Гдов от новгородского воеводы кн. Г.П. Ромодановского и дьяков М. Милославского о помощи в розыске перебежчика, бежавшего от переводчика Бажена Иванова. (1623–1624) // СПбИИ. Кол. 109. Д. 817; Отписка Десятого Мельницкого и Силы Свербеева новгородским воеводам кн. П.А. Репнину с товарищами о прибытии на Осиновую Горку и первых контактах со шведами: (1.04.1636) // СПбИИ. Кол. 109. Д. 601.

[21] Он записал за себя холопа в Новгороде в 1608/09 г. (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 362).

[22] *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 374.

в 500 четвертей от новгородского правительства[23], а по росписи 1613/14 г. имел оклад в 700 четвертей[24] Он сыграл особую роль в ходе переговоров об обмене пленными летом 1615 г. Несмотря на острый конфликт и неприязненное отношение к переводчику Гансу Бракилю, московский представитель на переговорах об обмене пленными, С.Г. Коробьин, предпринимал усилия, чтобы склонить того на службу царю Михаилу Федоровичу. Он пытался связаться с находившимся в Новгороде кн. Н.Я. Мещерским («доброхотом» царя Михаила) для того, чтобы тот всячески склонял «Анцу Брякилева» немецких людей отставить, «и тебе, великому государю, службу свою показал»[25] После заключения Столбовского мира, в 1617 г. Ганс Бракиль был послан в Копорье уговаривать тамошних жителей остаться в подданстве Густава Адольфа[26]. Участник посольства Густава Стейнбека в Московское государство в 1618 г., Г. Бракиль присутствовал на аудиенции у царя Михаила Федоровича 19 мая 1618 г.[27] В Ингерманландии он получил поместье в Каргальском погосте (близ Копорья), владея им в 1618–1623 гг. и, вероятно, позже[28]. Он был записан в шведское дворянство, и, таким образом, вернул себе отцовский сословный статус.

Эрик Андерсон. Имя переводчика Ирика Андреева упоминается в документах Новгороской приказной избы с середины 1615 г. Он сразу выступает как ведущее лицо в управлении Новгородом после кардинальной смены руководства городом летом 1615 г. Тогда из Москвы вернулось посольство архимандрита Киприана, а вслед за ним последовали репрессии. Виза «Ирика Андреева» с лета 1615 г. встречается на документах много чаще, чем прежде визы всесильных дьяков Пятого Григорьева и Семена Лутохина. Его товарищем становится подьячий Дворцового приказа Григорий Собакин. Однако в 1615 г. он почел за благо войти в контакт

---

[23] Даточные книги Шелонской пятины. (1611/12) // RA, NOA. Serie 1:86. Bl. 19–20.

[24] Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И.Н. Большого Одоевского. (1613/14) // RA, NOA. Serie 2:79. Bl. 31.

[25] Отписка Семена Коробьина с товарищами о ходе переговоров с немцами о размене пленными и о выполнении ими указаний из Посольского приказа. (1615, мая не ранее 6) // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 80–83.

[26] Посольство кн. Борятинского с товарыщи в Швецию в 1617–1618 гг. // Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. СПб., 1897. С. 41.

[27] *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 467.

[28] Jordeböcker öfver Ingermanland. Писцовые книги Ижорской земли. СПб., 1859. Т. 1. Ч. 1. С. 42.

с Москвой через старорусского подьячего Григория Сулешева. Собакин был в коротких отношениях с «Ириком». По словам Сулешева, «…свейской толмач Ирик Ондреев Григорью Собакину друг, и ничево от нево не таит. И Григорей Собакин сказывает Ириковы речи, на ково надеетца, а иных и руских людей блюдетца, чтоб ему от немецких людей вперед не огласитца. А проведывая всякие вести писать государю с ведомым человеком, кому можно верить»[29]. Характерен такой диалог между двумя этими людьми: «…говорил деи ему (Григорию Собакину. – *А.С.*) Ирик толмач: по грехом деи король подо Псков притти испоздал, пришл под осень, а толко б деи пришел рано, с весны, и он бы де мног добра учинил, и надо Псковом бы де мог промыслить. И Григорей де ему Собакин молвил: а ныне де для чего надо Псковом прмысел не учинитца? И он де ему молвил: есть де дело, да не сказал. И Григорей деи ему молвил, нечто деи салдаты зимы терпеть не умеют, и он деи ему молвил: то деи на нас и лихо»[30]. После Столбова Эрик Андерсон продолжает активно участвовать в официальных русско-шведских взаимоотношениях по делам приграничья. Он был активным участником тяжелых переговоров при размежевании в Карелии, длившихся более трех лет. В эти годы Э. Андерсон неоднократно курсировал между посольскими станами, Нарвой, Новгородом и Выборгом, вел устные беседы с межевыми послами и новгородскими властями. Именно в документах, относящихся к этим переговорам, во взаимных претензиях друг к другу вчерашних сослуживцев, открылось происхождение Эрика Андерсона. Произошло это при таких обстоятельствах. Шведские межевые послы были недовольны тем, что с московской стороны среди переговорщиков был подьячий Василий Частый, служивший в Новгороде в 1611–1617 гг. и хорошо знакомый Гансу Мунку, возглавлявшему шведское посольство. В ответ на протест шведской стороны последовала царская грамота, в которой подчеркивалось, что московский государь волен послать на межевание кого хочет, «а им в том указывати непригоже и бездельем заминать непристойно, а Василей Частой искони вечной наш подданной, а не свеянин, а с их стороны переводчики, хотя и прямые наши изменники, а ныне служат свейскому королю, и

---

[29] Расспросные речи старорусского подьячего Григория Сулешева перед послами кн. Д.И. Мезецким с товарищами. (16.10.1615) // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 355–366.

[30] *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века: Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 339–340.

наши послы тех дел не отсылают. И ныне с ними на съезде толмач Ирик был московской немчин, а на Москве с послы их был толмач Анца Брякилев, бывал московской же немчин»[31]. Как и когда Эрик Андерсон оказался в Новгороде пока выяснить не удалось.

Олфер Северов. По Д.В. Лисейцеву, он был уроженцем Немецкой слободы в Москве, где в начале царствования Михаила Федоровича жили его мать и братья[32]. Удалось обнаружить, что в сентябре 1596 г. Олфер Северов служил переводчиком при Ю.И. Вельяминове и Г. Витовтове, размежевывавших послевоенную границу со шведами[33]. В январе–феврале 1598 г. он участвовал в посольстве В.Б. Сукина и дьяка П. Дмитриева в Стокгольм к герцогу Карлу Седерманландскому. В Стокгольме Олфер Северов получил в дар «стопочку серебряну золочену, месты, а в ней 5 ефимков, сукно лундыш»[34]. Накануне отправки в посольство его годовое жалованье составляло 30 рублей[35]. 18 августа 1604 г. перевел в Посольском приказе грамоту шведского короля Карла IX. По мнению Д.В. Лисейцева, его предполагали в 1609 г. отправить в Новгород к М.В. Скопину Шуйскому для общения со шведскими наемниками[36]. Согласно наблюдениям ученого, Олфер Северов был прикомандирован к корпусу Я. Делагарди в 1609–1610 гг., затем оказался на шведской службе[37]. После захвата Новгорода шведами Олфер Северов получил вначале поместный оклад в 500 четвертей[38], а позднее был испомещен в Шелонской пятине.

---

[31] Грамота царя Михаила Федоровича своему отцу патриарху Филарету о грамотах в Новгород с указанием воеводе кн. Д.И. Мезецкому написать письма К.К. Юлленъельму и Я. Делагарди о промедлениях шведских межевальщиков и об английских посланниках в Холмогорах. (1619, сентября после 5) // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 2. Л. 143–147.

[32] *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 360

[33] Отправка русских межевых уполномоченных Юрия Вельяминова и Григория Витовтова в с. Тявзино для размежевания новой границы со Швецией. (16.03 – ноябрь 1596) // РГАДА. Ф. 96. 1596. Д. 1. Л. 12–17.

[34] Черновой статейный список посольства В. Б. Сукина и П. Дмитриева // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1, ч. 1. Л. 230–232.

[35] Выписка о даче жалованья посланным к герцогу Карлу Седерманландскому В.Б. Сукину и П. Дмитриеву и другим участникам посольства // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1, ч. 2. Л. 256–257.

[36] *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 166, 171.

[37] *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ…. С. 360.

[38] Даточные книги Шелонской пятины. (1611/12) // RA, NOA. Serie 1:86. Bl. 25; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. // RA, NOA. Serie 2:139. Bl. 17; Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И.Н. Большого Одоевского. (1613/14) // RA, NOA. Serie 2:79. Bl. 35.

В росписи новгородского войска марта 1613 г. он был назван среди оставленных в Новгороде служилых людей[39].

Чрезвычайно редким и ярким образцом новгородской повседневной жизни той поры является письмо Олфера Северова из-под Бронниц, написанное 23 мая 1614 г. и адресованное М.А. Пересветову: «Государю моему Мурату Алексеевичю Олферко Сиверов челом бьет. Здравствуй о Христе, а про меня, государь, пожалуешь спросишь, и я на Бронницы дал Бог маия по 23 день жив. Да пожалуй, Алексеевич, дай Степану Ортемьевичю Лаптеву четверть иржи, а иной хлеб да оприченно иржи вели продать жита и пченицу, лише овса четвертей з десяток оставь. Да пришли, государь, запасу на неделю и лутчи всякого. Да послал я к тебе лук, лексеевич, и будет пригодитца, и ты отпиши ко мне, а лубье к тебе я изделаю, а чаю, что пригодитца тебе. Да сапоги послал я, да фляшку да бочку, да пришли, Алексеевич, шахматов. Да Бога ради, машков[40] пришли. Да вели жерепца беречи и буде время, на траву пусти, и ты, государь, вели пустити ево на траву, да овса горазно поддавать. А я тебе, государю своему, пад в землю, многомножи твоем челом бью. Государю моему свет Матфею Семеновичю, Степану Оникеевичю повели ко челобитье, а о князя Ивана Васильевича»[41].

В августе 1614 г. Олфер Северов сопровождал вместе с князем Иваном Ивановичем Одоевским, Григорием Муравьевым и князем Никифором Мещерским в Ивангород Якова Делагарди[42].

Обращает на себя внимание особая приближенность Северова к власти и его активное участие в ее действиях в начале 1615 г., при смене Делагарди Горном. 27 апреля 1615 г. он передал кн. Одоевскому и дьяку Лутохину устное указание Эверта Горна отделить поместье новокрещену Ивану Исупову[43], а 1 мая 1615 г. «приходил о тех пошлинах з боярским приказом, что тех пошлин имати не велели» при даче отдельной грамоту Ерофею Колычеву[44].

---

[39] Роспись новгородского войска. (1613, март) // RA, NOA. Serie 2: 170-B/ K. 10

[40] Вариант: шмаков, тогда, верно: башмаков.

[41] Частное письмо Мурату Пересветову от Олферия Сиверова // RA, NOA. Serie 2: 24. Bl. 7 (лист разорван). Об этом письме: *Пересветов-Мурат А.И.* Из Ростова в Ингерманландию: М.А. Пересветов и другие baijor'ы // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 373–374.

[42] Книги сбора и раздачи кормов Зарецкого острожка при Никите Зиновьеве. (1615, август) // RA, NOA. Serie 1:128. Bl. 7–8.

[43] Дело о раздаче помещикам новгородских поместий по приговору Эверта Горна и кн. Ивана Одоевского. (1615, апрель) // ДАИ. СПб., Т. 2. 1846. С. 69–73.

[44] Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. (1613/14) // RA, NOA. Serie 1:44. Bl. 97–98.

Возвращение в Новгород из Москвы посольства архимандрита Киприана и последующее затем принуждение новгородцев к присяге Густаву Адольфу, раскололо новгородское общество. Олфер Северов был среди тех, кто оставался наиболее близок шведским властям. О ходе внутригородских прений в те недели новгородцы находили случай сообщать московским властям. Так они писали об Олфере Северове в сентябре 1615 г.: «Ино ведают немцы, что его праздник, да и тому Иверн Горн и Монша смеялись, что он сам толмача Олфера провожал, а он веть некрещеной был, все ведают, что на Москве он родился в Кукуе, а некрещен, а мать и братья его и ноне на Москве, да и сам он про него говаривал со мною, что он некрещен, али будет того забыл»[45]. Это единственное сообщение, указывающее на происхождение Олфера Северова и, в частности, на его возможную связь с колонией ливонских немцев в Москве. Дальнейшая судьба его сложилась трагически: к декабрю 1615 г. он был убит[46].

Рассматривая судьбы этих четырех переводчиков, поневоле обращаешь внимание на востребованность в Новгороде 1611–1617 гг. «московских немцев». В недавних работах Т.А. Опариной и А.В. Лаврентьева этой группе московского люда уделено особое внимание[47]. «Московскими немцами» были Эрик Андерссон и Олфер Северов. Не вполне ясно, каким именно путем они оказались в Новгороде, но их роль в администрировании города, особенно в последние годы шведской власти, не может быть преуменьшена.

У всех четверых новгородских переводчиков, о которых шла речь в настоящей статье – авантюрная биография, вполне в духе эпохи. Новгородская земля начала XVII в. представляла собой нестабильное пространство, где такие авантюристы легко находили себе место. С другой стороны все правительства того времени испытывали острую необходимость в подготовленных и образованных людях, владеющих языками. Именно такие люди, как переводчики, легко интегрировались в политическую власть, будучи выше по уровню образования, чем большинство их современников.

---

[45] Посольство Д.И. Мезецкого с товарищами. Часть 2: (1615, сентябрь) // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 220.

[46] *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary // Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm, 1982. С. 64–65.(Stockholm Slavic Studies; Vol. 14).

[47] *Опарина Т.А.* Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1–2). С. 273–302. *Лаврентьев А.В.* Царь Борис Годунов и ювелир Клаус Савостьянов // Памяти Лукичева. Сб. статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 407–422.